

Кризис Варяжской державы в Киеве.

История пребывания в Восточной Европе Скандинавов-Варягов в IX и первой половине X века по состоянию наших источников¹⁾ остается вообще легендарной и исторически мало достоверной.²⁾ Что же касается удаленной от Скандинавии территории Днепра, мы можем констатировать, что в средине X века, около сороковых годов его, идет на среднем Днепре смена старого племенного уклада жизни новыми формами государственности, основанными на базисе развития здесь торговых отношений транзитного характера, привлекших к Днепру разнообразные народности. В нашей летописи это отражено в виде рассказов о борьбе Игоря, а потом Ольги с Древлянами и об отдвижении Уличей с Днепра на Запад — „межи Бог и Днестр“. Вряд ли в этой борьбе Игорь опирался на далеких Варягов, — скорее он связан был с близкими географически и сильными в военном отношении Печенегами.

Во всяком случае эта смена уклада жизни и строя шла путем борьбы, затянувшейся на ряд десятилетий; быть может, она именно подтолкнула Святослава на дунайский поход и затем она безусловно проявилась в войне Ярополка Киевского с Олегом Древлянским. Приход в Киев около 980 г. Владимира — уже несомненно с Варягами — упрочил почву Киевской державы, направил и укрепил торговый варяго-греческий путь, ослабил здесь несколько печенежский нажим и путем христианизации упрочил в Киеве византийско-варяжское влияние. Оно дало главную силу державе Владимира, но не исключало и иных влияний, в частности печенежской степи, — поддержавшей потом Святополка против Ярослава Варяжского, а также, вероятно, помогавшей против него же Мстиславу, пришедшему к Днепру с Хазарами и Касогами.

¹⁾ О них см. в работах А. А. Шахматова.

²⁾ Попытка П. Смирнова протянуть ее до VI в. является слепой данью тенденции и легенде в истории — см. его «Волжский шлях і стародавній Русі», Київ, 1928.

События 1036—1037 гг. упрочили поколебавшееся варяжское значение в Киеве, и вновь построенная в Киеве Ярославом св. София должна была символизировать Киевско-варяжскую державу, экономически связанныю с Византией. Однако в Киеве этой державе пришлось итти на компромиссы с ближайшими географически восточными степными воздействиями и в первую очередь с „хазарскими“ купцами, и союз Киева с Черниговом (50—60 гг.) и восточные договоры Киева 1079 и 1094 гг.¹⁾ усиливали эти воздействия.

Вопреки мнению М. Н. Покровского, революция 1113 г. принесла с собой не „падение варяжского абсолютизма“, а скорее его восстановление: во-первых, об „абсолютизме“ XI в. в Киеве в условиях торгово-купеческой базы державы и наличия веча говорить вообще трудно; во-вторых, Святопелк Изяславич (1093—1113 гг.) был вовсе не представителем Варягов, а опирался скорее всего на Восток и степь, как о том говорят факты: брака его в 1094 г. на половчанке-дочери Тугортокана или Тугоркана, близости к нему восточных людей (доверенного конюха Сновида Изечевича — 1097 г. и воеводы „Козарина“²⁾ 1106 г.), а также его связи с восточными купцами-соляторговцами (Патерик); в-третьих, брачные узы Мономаха и его первенца Мстислава и долговременное пребывание последнего в Новгороде (так что его скандинавские источники зовут своим именем Гаральда³⁾) говорят за варяжскую ориентацию Мономаха. Революция 1113 г. была направлена в первую очередь против восточных купцов, и потому можно думать, что в этом году Мономаху в виду его связей удалось вновь восстановить варяжскую державу в Киеве, севши на Киевском княжеском столе.

Мономах утвердился в Киеве с широкими планами политического использования варяго-греческого пути, что выявилось в агрессивной его политике и в тенденциях „Повести временных лет“ 1116 г.;⁴⁾ но было уже поздно реализовать

¹⁾ О них см. в нашей ст. «Киевская Русь и Хазария» «Slavia», 1927, VI — 2-3.

²⁾ В данном случае неважно, считать ли это имя обозначением национальности воеводы или его фамилией или прозвищем, ибо и в последнем случае такое название имело связь с его происхождением.

³⁾ В. Loib — »Rome, Kiew et Bizance à fin du XI siècle«. Париж, 1924, стр. 146—147.

⁴⁾ См. введение в «Повести временных лет» Шахматова, Петроград, 1916.

эти планы: данный путь, в связи с началом крестовых походов и ослаблением Византии и иными торгово-географическими устремлениями Варягов, уже отмирал, и Мономаху скоро пришлось этот факт констатировать. Разочарование полное в этом отношении принес Мономаху 1116 г.: поход этого года на Смоленск должен был убедить в слабости теперь торговых связей Днепра с Ливийским морем и отсутствии здесь Варягов, а неудачи того же года на Дунае должны были рассеять мечты о связи с Варягами и вообще крестоносцами через Дунай. И вот в связи с этим мы видим с 1117 г. новую ориентацию политики Мономаха — на юго-восток, без расчета на варяжскую поддержку.

Летопись свидетельствует, что именно 1117 г. явился критическим в этом отношении. Под этим годом есть два известия, чрезвычайно характерные в данном отношении. Во-первых, это переселение Мстислава-Гаральда из Новгорода в Белгород вблизи Киева и, во-вторых, приход „Беловежцев в Русь“¹⁾. В этих фактах можно усматривать явные показатели кризиса Варяжской державы в Киеве.

Родственно-связанный с Варягами, прокляживши в союзе с ними много лет в Новгороде (с 1095 г.), Мстислав ушел теперь из Новгорода на юг, очевидно, потому, что вместе с сидевшим в Киеве отцом убедился в ослаблении и даже падении торговых связей варяго-греческого пути. Варяги и Новгород теперь переставали играть свою роль в торговых связях и политических судьбах Киева, и потому вместо опытного и энергичного Мстислава в Новгороде теперь посадили молодого и бесцветного Всеволода, которого потом Новгородцы от себя прогнали. Мстислав ушел из Новгорода в Белгород потому, что увидел бесполезность дальнейшего своего пребывания в Новгороде в интересах Киевской державы, — нужно было в первую очередь наладить отношения на самом юге и юго-востоке — вблизи Киева, на пути от Киева к морю, и в этом отношении получают свое значение другие факты данного момента: во-первых, упомянутый приход в 1117 г. в „Русь“ — к Киеву „Беловежцев“ — очевидно, в первую очередь хазарско-восточных купцов¹⁾ (ха-

¹⁾ Вряд ли приход „Беловежцев“ следует считать только одним из эпизодов „отлива восточно-славянского населения с юго-востока“ и противопоставлять в данном случае „хазарскую часть населения — славянской“ (как это принимает с Голубовским А. А. Шахматов — »Древнейшие

зарская „Белая Вежа“), затем изгнание в 1121 г. „из Руси“ „Берендейчей“, Торков и Печенегов, и брак в том же 1117 г. сына Мономахова Андрея с внучкой половецкого хана Тугоркана.

Таким образом после кратковременного отпора Мономах пошел в половецкую „Каноссу“ — по стопам Святополка. Идет, как мы видим, теперь устройство нужной ситуации для развития торговых отношений Киева на юге, на южном участке варяго-греческого пути; тут нужно было соглашение с восточными купцами и Половцами, при чем излишними вблизи Киева признаются те степняки-Берендеи, Торки и Печенеги, которые обычно использовались Киевом для борьбы с Половцами — может быть, в данном случае было исполнено прямое требование Половцев.

И дальше продолжается политика в том же направлении: захват в 1118 г. Владимира Волынского у Ярослава Святополича и в 1119 г. Минска у Глеба Всеславича. Идет, очевидно, укрепление позиций Киева, уже без ориентации на Варягов, в ближайшем географическом окружении; выявляется стремление к созданию и использованию новых торговых путей и возможностей: в первую очередь через Половцев и Беловежцев — на Дон, затем через Владимир Волынский и Минск — на Запад, отчасти также на Дунай и к Запад. Двине. В связи с этим, видимо, перестраивается и „Повесть временных лет“ в 1118 г. в новую редакцию.¹⁾

Но попытки использования для связей с Варягами Западн. Двины, куда мы видим частые походы Мономаха и Мстислава (1116, 1119, 1128, 1130, 1132 г. г.) не привели ни к чему. Все это были уже судороги Варяжской державы, потерявшей свою базу с падением варяго-греческого пути и ослаблением связей с Норманами и постепенно и очень быстро попадавшей теперь в полную экономическую зависимость от степи: смерть Мстислава в 1132 г. и особенно утверждение в Киеве в 1139 г. Всеволода из Чернигова, — связанного с Хазарами и Половцами, — окончательно символизировали эту смену старой варяжской политики на новую, восточно-степную. Запад на Днепре снова уступил и надолго свое место Востоку. И уже сын

судьбы русского племени», Петроград, 1919, стр. 34), начало XII в. нужно считать уже поздним временем для этого — к Днепру Хозары двигались и столетием раньше (Мстиславов поход 1023—24 гг.).

¹⁾ См. у Шахматова в «Повести временных лет» во введении.

Мстислава-Гаральда, Изяслав должен был всецело опираться на Берендеев, Чорных Клобуков и Угров, не вспоминая о Варягах: очевидно, со времени ухода в 1117 г. Мстислава из Новгорода на юг — Варяги, в связи с развитием крестовых походов и новых путей и падением значения Византии, в самом деле перестают сюда ездить в таком количестве, чтобы принимать какое-либо участие в киевских делах.

Так, между 1117 и 1139 г. г. прекратила свое существование варяжская держава в Киеве, просуществовавшая здесь с 1036 г. и имевшая свои зачатки в полулегендарной державе Владимира. Характер новой, реформированной Киевской державы прекрасно вскрывается из данных Ипатьевской летописи, начиная с 40 гг. XII в., свидетельствующих о преемственной роли в Киеве степняков; отсюда заметное различие в укладе и строе жизни Киевского государства в XI в. и XII в.

Новые работы В. Leib'a („Rome, Kiew et Byzance à la fin du XIe siècle“, Париж, 1924) и М. Э. Шайтана („Германия и Киев в XI в.“ — „Летопись занятий постоянной Историко-Археографической Комиссии“, вып. 1—34, Ленинград, 1927, стр. 3—26), стремящиеся подчеркнуть несомненные связи Киева с Западом в XI в., своими материалами по существу дают ответ на вопрос, почему варяжское предприятие в Киеве — монархия Ярослава 1036 г. — не вошло прочно в орбиту западных влияний и, несмотря на многочисленные брачные связи князей Киевской Руси с западными королями, в конце концов крепче было связано с Черными Клобуками, Половцами и Захарами, т. е. больше было обращено лицом на Восток, что, как отмечалось уже, ярко проявилось в эпоху Святополка Изяславича (1093—1113 гг.) и совсем закрепилось по смерти Мстислава-Гаральда в 1132 г.

Источники свидетельствуют, что в XI в. из феодальной Европы в Киев пробирались с трудом — „глухими дорогами“, „где даже торговые караваны не всегда проходили благополучно“, и что при этом Киев Германии при случае мог дать „столько золота, серебра и драгоценных одежд, что никто непомнит, чтобы когда либо такие богатства сразу привозились в немецкое государство“ (в упом. ст. Шайтана на стр. 22, 20, 10—11 и др. — по данным „Vita S. Marianni“, „Lamberti Annales“ и др.). Поэтому замыслы пап, попытки в этом направлении Генриха IV, Ярослава, Ярополка Изяславича и др. кончались

по существу ничем: Восток в XI—XII вв. для Киева был географически ближе, товарнобогаче и реальнее в лице печенежско-половецко-туркских воинов и еврейско-арабско-хазарских купцов по сравнению с феодальным Западом того времени, где XII в. был эпохой высшего расцвета феодализма (как это указывает напр. Гизо, Вайц, Флак и др.), — почему мнение проф. Юшкова о проникновении на Русь западного торгового капитала в XII в. (см. его „Феодальные отношения в Киевской Руси“ в „Уч. Зап. Гос. Саратов. Универс.“ т. 3, вып. 4) — неприемлемо и предвосхищает явления последующей эпохи XIII—XIV вв.

А нарушавший это первенство Востока водный путь, приводивший в Киев Варягов, как видим, утратил свое значение в начале XII в., и потому вслед затем скоро пала, после колебаний, и западная ориентация в Киеве, окончательно сменившись к середине XII в. восточной. Иронией судьбы был тот факт, что лично связанные с Варягами Мономах и Мстислав сами же должны были принимать участие в разрушении Варяжской державы в Киеве. Вместе с тем можно провести некоторую аналогию обстановки, создавшейся в Киеве при Мономахе, с положением Ярослава и его сыновей: конечно, к услугам названных ближайших предков Мономаха была военная сила Варягов, которой ему уже недоставало, но организовать державу в Киеве и тогда было невозможно без контакта с восточными купцами, господствовавшими на торговых путях юга и юго-востока. Поэтому Варяжская держава в Киеве все время была сильно осложнена восточными элементами, — недаром же и вассал шведского короля — Ярослав стал называться в Киеве „Каганом“.

Владимир Пархоменко.